

Господин Никто

Тай Чун

Первой пришла головная боль. Она выползала, как щупальца, откуда-то из-за затылка, расползаясь по всему черепу и нигде конкретно не концентрируясь — словно взвесь в собственном сознании, серая, обволакивающая и тупая. Потом мир обрушился сверху, словно ливень, промочив до нитки и втянув в себя без остатка.

- Ага, наш пациент пришел в себя, - в поле зрения попался медицинский халат — идеально белый, даже немного режущий глаза, и пришлось прищуриться, чтобы свет и эта белизна казались не такими яркими. Следом за осознанием светила медицины пришло осознание помещения — светлые стены, окно с жалюзи, беленый потолок, запах лекарств, показавшийся чужим, даже чужеродным. Клиника. Человек впереди, перед кроватью — врач. Если присмотреться, то можно прочесть его имя на бейдже. Головная боль не давала покоя — причиной оказалась внушительная шишка, слишком болезненная, чтобы к ней прикасаться.

- Как себя чувствуешь, парень? - улыбчивый и дружелюбный врач подошел ближе, на шее висел стетоскоп — наверное, стандартное обмундирование всех врачей. Позади седовласого эскулапа толпилась кучка помоложе с блокнотами. Интерны. Наверное. — Голова болит?

Пришлось кивнуть — голова болела. Последовали стандартные вопросы — головокружение, тошнота, слабость, чувствует ли руки, ноги, слабость в конечностях, может ли попасть по носу указательным пальцем левой руки? Попасть удалось только с третьего раза, хотя комната не плыла и не кружилась. Собственное тело казалось тяжелым и непослушным.

- Давай-ка осмотрим тебя, - стетоскоп был ледяным, и по коже сразу побежали мурашки. С трудом удалось приподняться на подушках. — Правый зрачок расширен, тахикардия, бледность кожных покровов, - непонятное бормотание успокаивало. Хотелось спать. — Повезло тебе, парень, легко отделался. Надолго ты у нас не задержишься, но познакомиться нам с тобой стоит. Доктор Ван Юйсян.

Тай Чун

В голове пусто. Хочется назвать свое имя, а в мыслях нет ни единой зацепки — как зовут? Мысль скачет, извивается, треплется на краю сознания, но в руки не дается, ускользает из пальцев, отпрыгивая назад на окраину, и там издевательски виляет хвостом. Странное ощущение, когда не можешь вспомнить самого себя. Брови хмурятся и ломаются изгибами, а на лице проступает какая-то детская растерянность — как зовут?

- Ты помнишь, как тебя зовут? — студенты придвигаются чуть ближе — на их глазах происходит нечто интересное, но они отвлекают. У них жадно горят глаза, и уши разве что не как локаторы повернуты — боятся пропустить какую-нибудь деталь. Один что-то дико строчит карандашом в откидном блокноте, поблескивая толстыми лупами очков, двое сзади перешептываются так тихо, что их шепот сливается с

мерным писком приборов слева и каким-то размеренным шипением, источник которого определить пока не удастся.

Как зовут? Силишься вспомнить, до боли напрягая собственный пострадавший мозг, но ответом – только тишина и пустота. Нет, не помнит. В итоге приходится качать головой – брови сшибаются на переносице, и это чувство странности переходит в чувство неправильности. Голова аж зудит – до того хочется вспомнить, а не получается. С легкостью оперируется названиями, научными терминами, невесть откуда пришедшими в голову, но там, куда обычно обращаешься, когда хочешь назвать свое имя, нет ничего. Пустое место, пустая полка, без единой подсказки, хотя бы самой маленькой.

Тай Чун

- Не можешь вспомнить? - еще раз приходится покачать головой – затылок хочется скрести ногтями, до того мысль сверлом вгрызается в мозг, а память не достать. Она так и ходит где-то по краю, переступая мягкими лапками, а в руки не торопится. От яркого света болят глаза. Интерны сзади напирают, чуть ли не на больничную койку лезут, а доктор Ван задумчиво почесывает сизый от гладкой выбритости подбородок.

- Сколько тебе лет? – сколько? Сколько-сколько-сколько, сколько ему может быть лет? Какое-то число вертится на языке, почти срывается, да так и замирает на кончике, между разомкнутыми для ответа губами. Нет, не помнит. Беглый осмотр рук ничего не дает – ему может быть и пятнадцать и восемнадцать и двадцать пять и даже тридцать с небольшим – только что, наверное, он привык драться и может постоять за себя. На одной руке крупная ссадина, уже покрывшаяся плотной коркой болячки – багряной, твердой, словно панцирь.

- Помнишь, что с тобой случилось? – следующий вопрос.

- Да, - как ни странно, память обжигает яркой вспышкой воспоминания – скрежет металла и мигнувший свет фар, и удар обо что-то жесткое. – Мы разбились.

- «Мы»? С кем ты был? – Мы? Кто они, эти «мы»? Сколько было этих нас, как нас звали, кто мы, откуда мы, сколько нам лет, что мы любим, как говорим, где живем, куда направлялись? Все это – длинная вереница бессмысленных вопросов, ответы на которые так и не можешь придумать, поэтому они повисают, не отвеченные, в воздухе, словно цветные воздушные шары, шевеля своими хвостиками-ниточками.

- Не помню. Но не один, - память похожа на дуршлаг – и информация вытекает через крохотные идеальные дырочки, только изредка задерживаясь какими-то отдельными фрагментами, мелькающими, словно кадры в фотопленке.

Тай Чун

- Знаешь, кто это за человек рядом? – только сейчас замечает вторую кровать в комнате – трубки, мониторы, высокие бортики койки. Обилие белого и что-то завернутое в белое, как мумия. Нет, не что-то, а кто-то. На голове слои белоснежных бинтов, глаза закрыты, дыхательная маска на лице, но это лицо ни с чьим другим не спутаешь.

- Мой брат, - и тут же спотыкаешься о свои слова – а как его зовут? Имя вновь проскакивает между пальцами, не успеваешь его схватить, останавливается за пределом досягаемости и там издевается, приплясывая на одном месте и дразнясь – вот она я, схвати, поймай. Он пошевелил пальцами, неосознанно пытаюсь схватить назойливое воспоминание, затертое ластиком до белых пятен, до рваных дыр. Не помнит.

Он смотрит на парня рядом, на своего собственного брата, узнавая и не узнавая одновременно, силясь по каким-то подсказкам вспомнить не свое имя – хотя бы его имя, но от усилия начинает раскалываться голова. В затылок кто-то медленно и садистки извращенно вкручивает толстое сверло.

- Как его зовут? – а пытка все продолжается, заставляя напрягать прохудившуюся память, от которой остались одни ошметки. Можно ли не помнить самого себя, но помнить, как зовут другого человека?

- Не знаю, - собственное бессилие злит, отчего приборы начинают пищать активнее, взгляды присутствующих сразу устремляются на мониторы. Интерны от восторга готовы из халатов повыпрыгивать, и это тоже злит, так что приходится нахмуриться и волком уставиться на всех их разом.

Тай Чун

- Ладно, парень, на сегодня достаточно, - решает доктор Ван, отвлекая внимания и гнев на себя. А ведь это он привел сюда всех этих обезьян в халатах, с блокнотами и горящими глазами. – Тебя будет наблюдать Ким Квок.

Похлопав его по коленке домашним жестом, доктор Ван увел за собой остальной выводок интернов, оставив его наедине с парнем в очках. На вид ему было не больше двадцати, хотя, скорее всего, конечно, больше.

Он откинулся на подушки, прикрыв глаза и не церемонясь в присутствии интерна. Его покачивало на волнах головной боли, усыпляя, затылок саднил и зудел – память копошилась где-то там, прокапывая себе норы и ходы. Интерн молчал так долго, что про него умудрились забыть. Скомканное, как старая вата, сознание, постепенно разглаживалось, текло мыслью, ни на чем не задерживаясь, не волнуясь и ни за что не цепляясь, как течет быстрая полноводная река. Лишенный необходимости вспоминать прямо сейчас, он расслабился, почти убаюканный странной больничной мелодией – ритмическим писком, шорохом дыхательных помп, звуками из коридора за тонкой стеной, чирканьем карандаша по бумаге, шелестом переворачиваемых страниц – наверное, он стал героем романа этого прыщеватого интерна, и сейчас его обрисовывают подробностями, придумывают ему историю, прошлое, представляют будущее, где все будет так, как захочет автор. В голову полезла всякая ерунда, мутная и глупая, и почему-то история его вымышленного казалась интереснее истории его реального. Тут и сейчас не хотелось думать ни о том, как его зовут, ни о том, что произошло, и как он оказался тут, и почему его брат тут, и как его зовут, и что будет потом. Особенно не хотелось думать о том, что будет.

Тай Чун

Его возили на МРТ, делали какие-то исследования, брали анализы, задавали сотни разнообразных вопросов, показывали карточки и хаотичные пятна на карточках, чтобы он назвал первую попавшуюся ассоциацию, но запрещали вставать и читать. На следующей день после пробуждения он все еще чувствовал себя слабым, но одичавшим от скуки. Попросил шахматы – откуда-то появилось понимание, что он умеет в них играть – но ему отказали. Ему можно было просто лежать и смотреть в потолок. Но лучше всего – спать, так быстрее восстанавливались силы. Он, кажется, выспался лет на пять вперед, и сна не было ни в одном глазу. Он даже не знал, сколько сейчас времени. К брату часто приходили медсестры, интерны и доктора, осматривали, ощупывали, заглядывали фонариком под прикрытые веками глаза. Его называли Ли, а брата – Мином. Имена были чужими, но ничего лучшего не придумали, чтобы хоть как-то их обозначить в медицинских картах. Брат в себя не приходил. От этого он чувствовал себя каким-то однобоким, словно у него не функционировала какая-то половина тела. И определить, какая именно, так и не получалось. Новое имя ему не нравилось, и он старался им не пользоваться.

Врачебные предписания он выполнял из рук вон плохо. От постоянного лежания уже болело все тело, и все чаще его можно было увидеть полусидящим, пытающимся выглянуть в окно. А иногда он сползал на пол, прижимаясь к облицованной кафелем стене спиной, и сидел так, ощущая опору и какую-то основу, которой был лишен. Его инстинктивно тянуло к земле, но земля была только в парке позади клиники – туда путь ему был заказан. Время замерло и совершенно не двигалось, хотелось курить.

Тай Чун

Среди его вещей, которые ему приносили в надежде, что он что-нибудь вспомнит, была начатая пачка Парламента, но ее тут же изъяли. Стрельнуть у кого-нибудь, тайком курящего в туалете, тоже было проблематично – ему запрещали вставать, а, значит, походы по коридорам тоже откладывались на неопределенный срок. Оставалось лезть на стены от безысходности или просто пялиться в потолок. В лазании по стенам была хоть какая-то движуха.

Еще среди вещей были ключи, наверное, от квартиры – ключи от мотоцикла куда-то пропали, вероятно, вместе с мотоциклом. Еще были деньги, дешевая зажигалка и разбитые и поцарапанные наручные часы. Он рассматривал их долго, очень долго, щупал каждую вещицу, вертел в руках, особенно часы, но память так и не пришла – все эти вещи были для него чужими, даже часы, которые он, судя по потерностям на внутренней стороне браслета, носил, практически не снимая.

Среди вещей брата были только ключи и деньги – ни сотового телефона, ни водительских прав, никаких документов, что могло бы подсказать, кто они или хотя бы как их зовут. У них как будто не было никакого прошлого, а возникли они только что, после аварии, появившись из ниоткуда сразу в больничной палате. Ночью он пытался представить себе их, живых, вместе, в какой-нибудь семье, с другими именами, в школе или где-то еще, ведь они, наверное, должны были учиться в школе. И семья у них должна была быть – судя по хорошей одежде и качеству разбитых часов – они выглядели дорого, если бы не были безнадежно сломаны. Наверное, как и у других, у них есть родители, собака или кошка, или даже сестра, или еще один старший брат. Но каждый раз, представляя, ему казалось, что он просто рисует какую-то другую семью – ни одна из его нарисованных не вызывала в

нем отклика «знакомости». А может быть, дело было в плохой фантазии и постоянно ноющей голове. Это совершенно не помогало вспомнить, только еще больше запутывало. Кто же, все-таки, они такие?
